ПОЭТОГРАД

№ 35 (136)
Сентябрь
2014

Народная литературная газета

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

Улица Нины Красновой

Проза Поэта

Елена Раджешвари

Бестселлер

Евгения Степанова

Свободу

Юрию Юрченко!

Журнал

«Дети Ра»

Выдающийся поэт России

Белла Ахмадулина

Пьедестал

Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

* * *

Ты говоришь — не надо плакать.
А может быть, и впрямь, и впрямь
не надо плакать — надо плавать
в холодных реках. Надо вплавь

одолевать ночную воду,
плывущую из-под руки,
чтоб даровать себе свободу
другого берега реки.

Недаром мне вздыхалось сладко
в Сибири, в чистой стороне,
где доверительно и слабо
растенья никнули ко мне.

Как привести тебе примеры
того, что делалось со мной?
Мерцают в памяти предметы
и отдают голубизной.

Байкала потаенный омут,
где среди медленной воды

посверкивая ходит омуль
и перышки его видны.

И те дома, и те сараи,
заметные на берегах,
и цвета яркого саранки,
мгновенно сникшие в руках.

И в белую полоску чудо —
внезапные бурундуки,

так испытующе и чутко
в меня вперявшие зрачки.

Так завлекала и казнила
меня тех речек глубина.
Граненая вода Кизира
была, как пламень, холодна.

И опровергнуто лукавство
мое и все слова твои
напоминающей лекарство
целебной горечью травы.

Припоминается мне снова,
что там, среди земли и ржи,
мне не пришлось сказать ни слова,
ни слова маленького лжи.

(Стихотворение с сайта www.futurum-art.ru)

ГЛАС НАРОДА

ТРЕБУЕМ СВОБОДУ ЮРИЮ ЮРЧЕНКО!

Ко всем людям доброй воли. Требуем свободу Юрию Юрченко! Юрий Юрченко, талантливый русский поэт, драматург, участник Ассоциации «МирЭко» — Миротворчества и Экологии человека, гражданин Франции — был арестован вчера в своем родном городе Иловайск Донецкой области властями Украины.

Юрий приехал из Франции в Донецк, следуя убеждению, что правдивое освещение событий для европейской общественности и мира является важным, если оно создано из наблюдения собственными глазами за происходящим. Разумеется, он часто посещал линию фронта, неоднократно появлялся на телевидении и в Интернете.

Данный случай продолжает ряд эпизодов, когда в локальных конфликтах страдают журналисты. На днях в Ираке был казнен американский журналист Джеймс Фоули.

И эти вопиющие факты жестокости и несправедливости происходят сейчас — в XXI веке!

Мы не являемся апологетами каких-либо сторон в военных конфликтах.

Мы выступаем за Мир и Справедливость!

За право человека на Жизнь и Свободу!

Наша Ассоциация крайне обеспокоена судьбой своего товарища Юрия Юрченко и сейчас прилагает все усилия для его освобождения.

Ассоциация «МирЭко» обращается ко всем правозащитным организациям, ко всем людям доброй воли, во все государственные инстанции Украины с требованием НЕМЕДЛЕННО ОСВОБОДИТЬ МИРОТВОРЦА, ЖУРНАЛИСТА, ПОЭТА ЮРИЯ ЮРЧЕНКО. Мы знаем его лично. Мы абсолютно уверены в его гуманизме, честности и в том, что он не может быть вмешан в какие-либо противоправные действия.

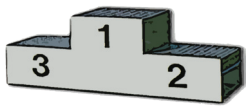
Мы поддерживаем обращения в Международные правозащитные организации, такие как HRW, ООН, ОБСЕ, Международный Красный Крест, Всемирная организация журналистов, Комитет по правам человека при ООН.

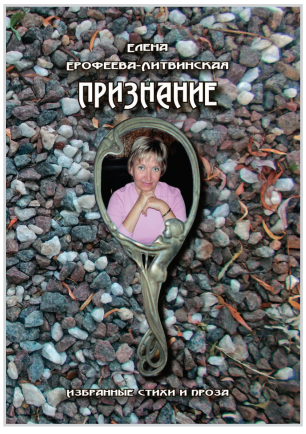
Фонд «МирЭко» — Миротворчество и Экология человека
Ассоциация «МирЭко» — Миротворчество и Экология человека
Союз Писателей России
Международная Конфедерация Союзов Художников
Академия Духовных Традиций (Австрия)
МАИР (Международная Академия Исследований и Развития)
Академия Русской Словесности
Петровская Академия наук и искусств
Рифат ГУМЕРОВ — поэт, член CENTRAL ASIA PEN CLUB, Президент Ассоциации «МирЭко» Союз писателей XXI века

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!





Елена Ерофеева-Литвинская «Признание» М.: «Вест-Консалтинг», 2014

«Неизвестная война» М.: «Вест-Консалтинг», 2014

Сборник произведений поэтов и прозаиков литературного объединения ЦДУ РАН «Судьба России» М.: «Вест-Консалтинг», 2014

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ «ДЕТИ РА»

«Дети Ра» — толстый литературный журнал ПОЭЗИИ, издающийся с 2004 года.

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году в Саратове.

С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты — всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлаботонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор — Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов.

Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».

НИНА КРАСНОВА
ПОМИНАЛЬНЫЕ СВЕЧИ

НАДПИСЬ НА ОТКРЫТКЕ С ПТИЧКОЙ ОВСЯНКОЙ

Виктору Астафьеву

Посылаю птичку Вам, овсянку.
Пусть она споет для Вас веснянку

Без микрофона и без синтезатора
Утром завтра,

Пусть разыщет Вашу деревушечку
И потешит песней Вашу душечку.

Вы примите у себя овсянку,
Разучите с ней и пойте с ней веснянку.

1987 г.,
Рязань

ПИСЬМА

Виктору Астафьеву

Не с каких-то островов Канарских
Пестроперист, легок и летаист,
Из краев сибирских, красноярских
Ваши письма мне приносит аист.

Счастье счастий — получать, иметь их.
Там, в особый смысл перерастая,
В тексте и в подтексете писем этих,
«До свиданья!» — фраза есть простая.

Это передать нельзя словами.
Вашим письмам рада я, разрада.
Я мечтаю о свиданье с Вами,
Как о счастье высшего разряда.

1989 г.,
Рязань

ВИКТОРУ АСТАФЬЕВУ ПРИГЛАШЕНИЕ НА НОВОСЕЛЬЕ В МОСКВУ, написанное на открытке с самоваром, баранками и бубликами

Приезжайте ко мне в Москву,
Разгоните свою тоску.
Я для Вас постелю самобраночку,
Дам конфетку Вам и бараночку,
Буду рада уважить Вам,
Все, чего пожелаете, дам.
И дырку дам от бублика,
Но чтоб не знала публика.

1992 г.,
Москва, Перово

ЧАСТУШКИ ПРО ВИТЮ

1.
Я повешу на окошко
Розовую тюлечку,
Сяду, сяду у окошка,
Буду ждать Витюлечку.

2.
Получила я по почте
Письмецо Витюлькино.
Письмецо Витюлькино —
Не грамота фитюлькина.

3.
Ой, работники эфира,
Вы хлебните-ка кефира
И в эфире объявите,
Что страдаю я по Вите.

1992 г.,
Москва

НОВОЕ ПИСЬМО СТАРОМУ ДРУГУ, ИЗ СТОЛИЦЫ В СИБИРСКУЮ ГЛУБИНКУ, НА ДЕРЕВНЮ ВИКТОРУ ПЕТРОВИЧУ АСТАФЬЕВУ

Любезный Виктор Батькович,
Не лаптем щи хлеБатькович,
Овсянец Виктор Батькович!
Мой старый друг Витяночка,
Я стала москвитяночка,
Я стала москвитяночка.

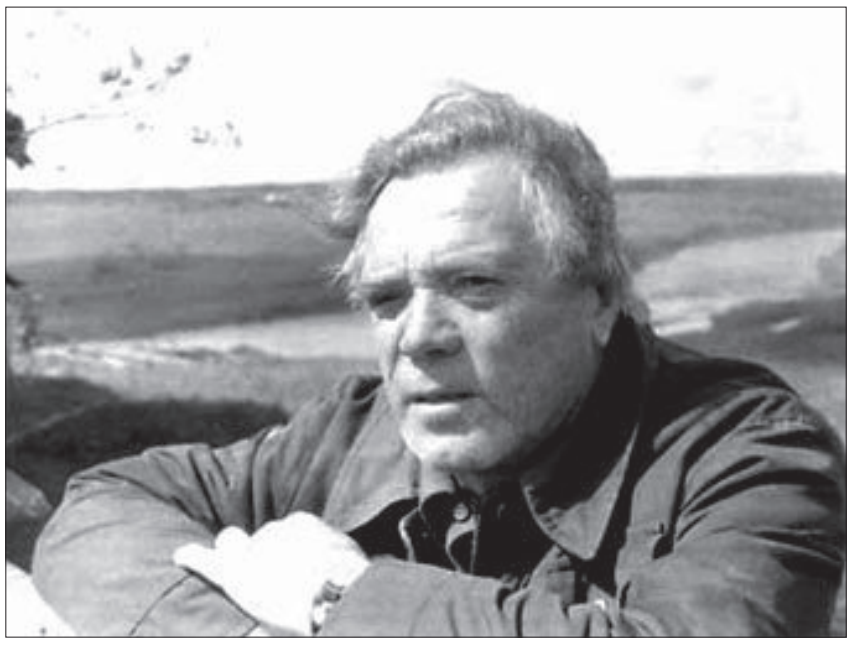
В столицу я приехала,
В столицу переехала.
Я не бомжиха, мне не страшен «мент».
Купила я кроссовки,
Такие-то красивки,
И в них хожу, рязанский элемент.

По Сретенке хожу я,
Кусок батона жуя,
Таксистам предлагаю свой «Интим»*,
За трешку, не за фигу
Даю таксистам книгу,
И очень интересно энто им.

Но, ради Всеблагого,
Не думайте плохого,
Макушка озабоченно скребя.
Я не ношу сутану,
Но на Тверской не стану
Кому-то продавать саму себя.

Не сирота казанская —
Мадонна я рязанская.

* «Интим» — книга любовно-эротических стихов Нины Красновой. — *Прим. Н. К.*



И я пропасть в столице не боюсь.
Со всем честным народом,
А не с преступным сбродом
За выживанье я свое борюсь.

...Любезный мой Витяночка,
Я стала москвитяночка.
Я стала москвитяночка...

28 марта 1995 г.,
Москва

СИБИРЬ

Много есть всего у нас В СИБИРИ —
приезжай в Сибирь и ВСЕ БЕРИ.

1998 г.,
Дивногорск

КОНФЕРЕНЦИЯ

(радостные стихи на отправку меня в Сибирь не по этапу и не на каторгу, а на праздник «Литературные встречи в русской провинции»)

Я покинула свою страну ЕСЕНИЮ
И в Овсянку приплыла по ЕНИСЕЮ

И на бал попала с кораБЛЯ —
...ЛЯ-Я!

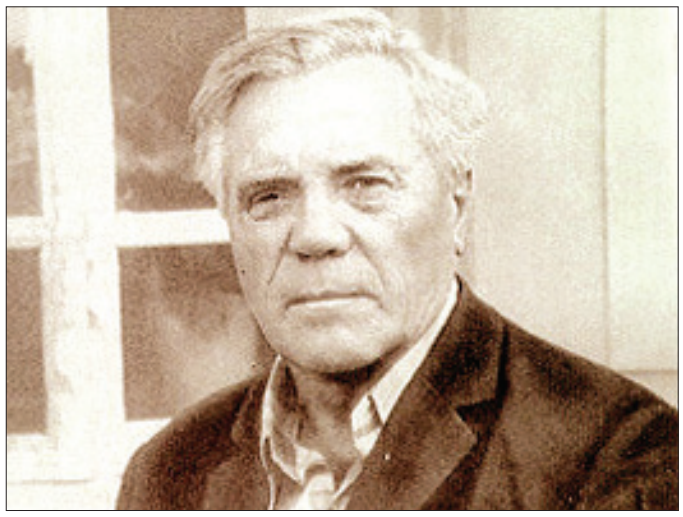
Я попала на «Астафьевские ЧТЕНИЯ»,
Все пройдя литературные ТЕЧЕНИЯ...

...Выпив чашку не винца, а КЕФИРЕНЦИИ,
Выступаю я на КОНФЕРЕНЦИИ.

Я на бал попала С КОРАБЛЯ!
Я известной буду СКОРО, ...ЛЯ-Я!

Все в Овсянке восхищаются, У-У, МНОЮ,
Сам Астафьев восхищается, У-У, МНОЮ,
МНОЮ, У-У... такою, У-У... такою УМНОЮ!

22 сентября 2000 г.,
Москва, Перово



Окончание на стр. 3

Окончание. Начало на стр. 3

НИНА КРАСНОВА
ПОМИНАЛЬНЫЕ СВЕЧИ

ЕНИСЕЙ

Из страны с названием Есения
Я пришла на берег Енисея.
Я вернусь в свою страну Есению,
Но буду я скучать по Енисею.

20 сентября 2000 г.,
Москва

АСТАФЬЕВ

Уведи меня в ночь, где течет Енисей.
Осип Мандельштам

Жил в Овсянке мужик на крутом берегу Енисея,
Не овес, не люцерну — разумное, доброе, вечное сея.

От простых мужиков отличался, но это похвально.
А они на него обижались за это повально:

«Он не знается с нами и выпить не хочет... Зазнался!
Пишет, пишет чего-то, а лучше бы делом занялся...»

Жил в Овсянке мужик на крутом берегу Енисея,
На своем литучастке разумное, доброе, вечное сея.

Перед сильными мира по-рабски хвостом не вилявший,
На процессы культурные в нашей России влиявший,

Изловивший «царь-рыбу», себя на бумаге изливший,
Восхищавший одних, а других возмущавший и зливший.

Жил в Овсянке мужик, всенародный писатель Астафьев.
Он из жизни ушел, сочиненья потомкам оставив.

У него под окном разрослись лопухи да пыреи.
Где Астафьев? А он умахнул в эмпиреи,
На своей деревянной сохе улетел в эмпиреи...

2001 г.,
Москва

МАСЛЕНИЦА В СЕЛЕ ОВСЯНКЕ

Ой да, Маслена*! Сибирская Маслена!
Представляю эту Маслену мысленно

И у всех на глазах, у всей Овсянки,
Под улыбку Караульного Быка**,
Не намнет который мне мои бока,
В расписные Ваши прыгаю в санки.

Жизнь наполнена праздником и смыслом,
Вы в меня не безответно влюблены.
Мы поедем в «Елки-палки» на блины,
Будем есть блины со сливочным с маслом.

Вы меня в медвежьи шкуры укýтайте
И по горкам по крутым укатáйте.

12 — 13 января 2014 г.,
Москва
(по наброскам 1993 и 1998 г.)

Нина Краснова и Анатолий Шамардин

ПЕТРОВИЧ

1. Последняя встреча с Петровичем в селе Овсянке осенью 2000 года

Вот Петрович. А вот и Петровична,
Из Москвы, из Перова — Перовична.

Встреча в русской провинции. Осень.
В окнах — светлая неба просинь,

Двор с поленницей, с вязами, кедрами,
Жизнь мелькает в окне телекадрами.

Прост в сибирской избе интерьер.
Я — астафьевский интервьюер.

Мы на кухне сидим, за столом.
(На столе — диктофон со стилом.)

Хлеб едим «Бородинский», с солóдкой,
И сардельки, и лук с селедкой,

Запиваем цейлонским чаем,
Говорим по душам, не скучаем.

Хорошо у горячей печи.
Горячи у печи кирпичи.

2. Вечная разлука с Петровичем осенью 2001 года

Где Петрович? Лежит в могиле.
Конь рабочий, загнанный в мыле.
Дух его в атмосфере витает,
Облик весь расплывается, тает.
По Петровичу плачет Петровична,
Плачет, плачет в Перове Перовична.

6 — 7 февраля 2014 г.,
Москва, Перово
(По старым наброскам 2001 г.)

УТРАТА,
или Плач по новопреставленному певцу и композитору Анатолию Шамардину

Я поняла теперь:
Жизнь состоит из потерь,
Не из утех и отрад —
Из постоянных утрат,

Вот и еще одна...
Выпью стопарь до дна.
Я — сироты сиротей.
Жизнь состоит из смертей.

28 — 29 июля 2014 г.,
Москва

---

* Маслена – простонародное рязанское название праздника Масленица. На Маслену, как рассказывала мне моя матушка, уроженка рязанского села Солотча, парни и девки катались на тройках в расписных санях (санках). Как правило, парни катались с теми девками, которые им особенно нравятся, а девки – с теми парнями, которые особенно нравятся им (чаще всего – женихи со своими невестами, невесты со своими женихами). – ***Прим. Н. К.***

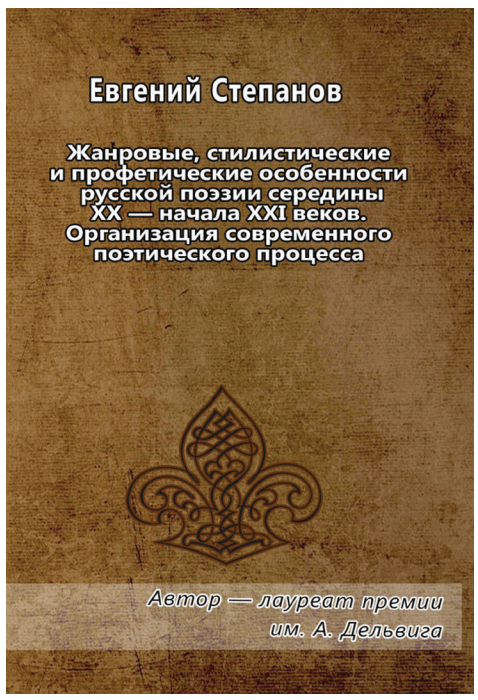
** Караульный Бык – крутой утес по дороге из Дивногорска в Овсянку и из Овсянки в Дивногорск. – ***Прим. Н. К.***

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ПОЭТОГРАДА

Уникальная книга
о современной поэзии
«Жанровые, стилистические и профетические особенности русской поэзии середины XX — начала XXI веков. Организация современного поэтического процесса»

от автора бестселлера

«Жанры и строфы современной русской поэзии в трех томах»
Евгения Степанова



ПРОЗА ПОЭТА

ЕЛЕНА РАДЖЕШВАРИ
УРС, УЗК ИЛИ УЗЛЬ

Вначале все люди были одинаковые. Между ними не было разницы. А какая могла быть разница между людьми? Все были маминими сотрудниками. А если не маминими сотрудниками, то соседями. А соседи были сотрудниками. Дом был от УТрС, или что-то в этом роде, где телефонные линии прокладывают. Я так себе его и представляла в виде сплетения всяких шнуров. Огромный узел перепутанных проводов. А мама должна была каждый день ходить туда, выдергивать один шнур, тащить его до соседнего села, закапывать его там в землю, соединять с каким-то другим проводом и проверять, чтобы было слышно. Алло! Алло! Вы меня слышите? Слышу. Хорошо? Плохо. Тогда нужно снова переключать какие-то выключатели, рассоединять и присоединять провода. А кабель торчит из земли, намотанный на огромную катушку, и ждет, когда мама вылезет из землянки, где она возится там с этим УРС. Ведь все телефонисты работали в землянках, так показывали в кино. А вокруг постоянно была опасность взрыва. И даже если войны уже не было, опасность оставалась. Опасность, что мама не вернется из командировки. И я останусь одна, навеки заключенная в кромешную тьму нашей двухкомнатной квартиры с кухней и раздельным санузлом. А почему туалет — узел? Ну так просто называется, всего не объяснишь.

Останутся, конечно, бабушка и сестра, но разве они мама? Да еще папа где-то в далекой бессрочной командировке на севере. Но папа тоже не мама. Тем более такой заочный. В смежных комнатах, охваченная плотным кольцом окружения целой вражеской армией, состоящей из темноты и тишины, я останусь на всю жизнь одна и буду сидеть у окна, прислушиваясь к звукам у крыльца, и узнавать соседей по шагам. После долгого ничего наконец-то едва уловимая цепочка шагов из-за угла дома. Вот они взбираются на крыльцо. Тяжелые. Дядя Рыбалко. Или нет, дядя Болбус. Дядя Рыбалко всегда возвращается на грузовике ночью и разбрасывает свет фар по стенам. Он развозит провиант и запчасти для узников УТРС, заключенных в землянках, сосланных в командировку инженеров и техников. Весь вспотевший и усталый, вытирая полотенцем пот с затылка, если дело было летом, он старался никого из них не забыть, но и обязательно вернуться к ночи домой. У него семья. Он должен думать о детях.

И мама тоже должна думать о детях. И она думает. И когда-нибудь все-таки забьется по-сумасшедшему сердце, когда раздастся звук совсем особенных легких шагов. Код моей жизни. Но еще будет тайное сомнение, а вдруг я ошибаюсь и это не она. А кто тогда? Больше ведь никого в доме нет с такими шагами. Неужели конец черной немоты ожидания у окна? А вот и ужели. Так раньше говорили. И не успеваю я добежать до двери, как она уже отпирается ключом. Да, это мама! Я спасена. На этот раз страшный и невыговариваемый, назовем его условно УТСЛ, потому что на самом деле он нерасшифруем, этот чудовищный код необходимости, — не поглотил ее навсегда, не опутал проводами и не погреб в своих казематах.

Между людьми разницы не было. Человечество состояло из человечества и мамы. Внешнее и внутреннее человечество. Между ними были промежутки — переходные существа, как то сестра, бабушка и, может быть, папа, потому что существом он был очень редким, почти не встречающимся в природе, во всяком случае окружающей. Человечество внешнее делилось на сотрудников и соседей, сотрудники были несоседями, а соседи были и сотрудниками и соседями. У моего человечества были только эти две категории. Сначала. Но потом все по привычке продолжало быть, как началось, хотя все изменилось.

Сотрудники приходили в гости. Они делились на тех, о которых говорилось с неописуемым восторгом, и тогда к их приходу приходилось готовиться за неделю. Закупались продукты на базаре, листалась самодельная книга рецептов из толстой разбухшей тетрадки с наклейками из газет и журналов и вписанными со слов сотрудниц и соседок секретных способов приготовления изысканных или просто колоритных блюд. Там были и анекдоты, которые зачитывались вслух между рецептами, и рисунки Бидструпа, над которыми положено смеяться. Вслух зачитывались рецепты наиболее экзотические, способные произвести должное впечатление. С песней приступалось к замешиванию теста. На заре ты ее не буди. Сначала как будто про меня, про мои сны на заре. А потом нет, что-то про облака у окна. Да и кто вообще захочет, чтоб его на заре будили? Песня нелогичная, а слушать приятно. Кому ложку облизать? Главное, чтоб не подгорел.

Для испечения эклеров полагалось покидать кухню на все время созревания в духовке божественных яиц, из которых потом при гостях должно было вылупиться французское искусство наслаждения жизнью, сопровождаемое неискоренимыми русскими охами и ахами: Ах, какая вы у нас волшебница, Милечка! Во всем Колхозпроекте не найдется второй такой. Мама улыбалась. Ради этой счастливой и гордой улыбки и была затеяна вся эта французская кампания, задуман этот грандиозный наполеновский план. А знаете ли вы, почему так говорится «наполеоновские планы»? Зачем Наполеон вообще пошел на Россию? Сидел бы себе в своей теплой Франции и радовался, вскипал вдруг муж одной сотрудницы, Аркадий Борисович, за рюмкой багрового муската на нашем французском банкете. А сотрудница Аллочка, жена его, хватала его за рукав и, в шутку сердясь, говорила, ну хватит тебе Аркаша, ты же не в школе.

Ну расскажите, расскажите, раз знаете, говорили гости за столом. Я вся обращалась в слух. Мама оглядывалась на детский стол, и увидев, как я раскрываю рот, чтобы слушать, предвкушающе улыбалась. На события такой огромной важности даже ставился круглый детский столик подле взрослого овального. Он Индию завоевать хотел, как Александр Македонский! Россия была ему не нужна. Вот так. И из-за этой-то Индии и устраивался весь бесславный поход на Москву. Мамин поход устраивался на Париж и Лондон. Все должно было быть как в лучших домах самой столичной аристократии. Лондона, почему-то говорила она и при этом улыбалась, добавляя всегда: говорится Лондон, а пишется Ливерпуль. И волнения из-за лучших домов Лондона, перед которыми нельзя было ударить в грязь, начинались уже с утра. Квартира должна быть убрана до блеска. Это моя обязанность. Пыль? Конечно, вытерла. Ну-ка проверим. А это что? Возьми сейчас же пыльную тряпку и протри снова.

Какое стихотворение ты будешь читать? Как «гонимы вешними лучами»? А Песнь о вещем Олеге ты так и не выучила до конца? А почему Лена и Марина ее сумели выучить, а моя дочь нет? Сколько раз тебе говорить, что каждый грамотный и культурный человек должен знать это стихотворение наизусть? Из песни о невыученном вещем Олеге вылезала тонкая змейка, скользила по моей ноге наверх, оплеталась вокруг горла и затягивала его, приобщая меня законным образом к древней жертве, лежащей у самого основания нашего рода. Хотя мы и были из смердов. А никакие не Рюриковичи. С Рюриковичами нужно было себя только отождествлять. Но я не хотела. Мое сердце было на стороне бедных смердов и их злополучных идолов. А не Рюриковичей с их насажденным христианством. За что они отняли у смердов их каменных баб? Заставили их плакать у реки, согнав на пляж для общественного глумления над их святынями. Кто еще так поступал с народом? Только фашистские захватчики. А баб этих, к сожалению, почти что не осталось. И мы не знаем, кто мы были и какие мы были до того, как нас сделали другими.

Я во всяком случае выходила на демострацию протеста смердов против утопления идолов, насильственного крещения и всей этой наносной культуры. И после слов «правдив и свободен их вещий язык и с волей небесною дружен» наступало всемирное молчание и, как упрямый осел, не хотело ни на йоту двигаться вперед, сколько ему не подсказывай. Если бы мне тогда была известна фрейдовская теория, я бы думала, что не хочу символической смерти отца из-за развода родителей и поэтому ни за что не буду запоминать дальше это стихотворение. Ну хорошо, на этот раз какое-нибудь другое, но в следующий раз будь посерьезнее, ты ведь уже большая девочка.

Это значит, мне должно быть уже стыдно. Я выучивала наизусть все, что могла. Но первородный грех нежелания Песни о вещем Олеге, может быть, заслуженно умерщвленном своим же любимцем, — о неразбериха запутанного узла телефонной связи, даже маме не удается его распутать, — он, грех, оставался лежать тяжелым камнем на необъятном поле моей вселенской совести и являлся разделительной межой между плохой и хорошей девочкой. Плохой оставалось гораздо больше, как я ни старалась расчистить ее поле и сместить межу.

И на тех сотрудниц, кто мог забежать вечером после работы и посидеть на кухне. Это было хорошо, без приготовлений и нервничания. Декламировать стихи для них не нужно было. Только притупив глаза и краснея от стыда, подтверждать кивком головы, да, отличница. Фу, какой стыд. Как бы не дошло до вещего Олега, который все еще не наизусть. И не собираюсь. Не люблю я Песнь, которую знают наизусть дочери маминых престижных сотрудниц, первых кандидаток в лучшие подруги. Хотя, конечно, грустно от своей недостаточности.

Соседи заходили просто так, когда захотят. Стихотворениями они вообще не интересовались. Мы тоже просто так заходили во все квартиры. Двери днем никогда не запирались. От чего их было запирать, мы и так все друг о друге знали. Когда я однажды из непреодолимого искушения испытать мир и себя, выпила банку марганцовки, уверяя сначала себя, а потом маму, что она мне показалась компотом, то на мамин крик из кухни сбежался весь дом. Все еле-еле поместились в коридоре и четырехметровой кухне. О том, что она четырехметровая, я знала с раннего детства. Мировые пространства измерялись квадратными метрами и вносились в пояснительные записки к чертежам, которые я сама же и писала по вечерам рядом с мамой, чертившей проекты электрических и телефонных связей для необъятных колхозных пространств.

И в этой самой малогабаритной кухне мне был единодушно вынесен приговор присяжных и установлена мера наказания, когда вызванная двумя пальцами в рот рвота спасла мою жизнь от неминуемой смерти. Всыпьте ей как следует, другой раз не будет. Но мама не всыпала. И когда все с облегчением разошлись по своим квартирам, она посадила меня на колени и обняла. А я совсем и не собиралась ничего такого. Просто хотела посмотреть, что будет.

Если бы не воскресенье, никто бы и не сбежался со всех сторон. Разве что баба Лена сбежалась бы. С первого этажа, дверь наискосок напротив. Она искусно готовила вареники и приносила нам их дымящуюся массу на тарелке. А потом оглядывала кухню и всему изумлялась. А это для чего? Красота-то какая! Возьмите себе, ну возьмите же, мне это совсем не нравится. В командировке подарили, неудобно было отказаться. После третьего тура уговоров, как полагается, баба Лена принимала в дар какую-нибудь особенно безвкусную безделушку из нашего буфета и с благоговением разглядывала ее у себя на ладонях.

В комнате у нее на всех мыслимых плоскостях стояли пупсики и крошечные Ленины на кружевных салфеточках. На всем и на вся был свой пупсик. Они стояли ровно. Пыль вокруг была тщательно вытерта. Ни сучка ни задоринки. Это веселое мамино выражение. Их нельзя было брать в руки. Мама сразу же одергивала. Какая ты у меня невоспитанная. Тебя нельзя брать с собой в гости. Извините. Ничего-ничего, пусть поиграет. Да есть ей чем играть. Не трогай. Комната была музей-квартира пупсиков. Пупсик Ленин в виде белоснежного бюстика стоял на радиоприемнике рядом с русской куклой-грелкой, а с другой стороны узорная рамочка, а в ней старинная открытка. На открытке три девушки с локонами и приторными лицами, а под ними надпись «Вера. Надежда. Любовь» — и все. Никаких тебе пояснений. Их так зовут этих девушек. А зачем об этом открытка? Ш-ш-ш.

Она много пережила, говорила мама дома. В войну баба Лена была еще молодой девушкой в своем родном селе, когда пришли немцы и расположились у них в доме. Они оказались хорошими. Очаровательными врагами. Дарили ей шоколад и играли для нее у крыльца на губной гармонике красивые мелодии. А вокруг собирались гуси и утки, которых она пасла. А куры? Куры не собирались, куры глупые, музыку не чувствуют. Она даже немножко подружилась со своими захватчиками и смеялась, когда они пытались заговаривать с ней по-украински. Очень смешно было. Но потом пришли партизаны, а за ними эсессовцы. И тогда стало очень страшно. А почему страшно? Отобрали шоколад? Баба Лена делала испуганное лицо и вытирала слезы уголком головного платка. Мама немедля высылала меня за пределы истории. За дверью все равно было слышно. Становилось страшно и я убегала.

Рассказы про хороших немцев были приятнее. Но я ничего не спрашивала для себя. Потому что мир все мне давал или не давал, когда хотел. Моя роль сводилась только к слушанию и переживанию. Мир был запутан в Утеэрэсовский узеЛ, из которого в разные стороны торчат концы проводов и из них раздается: алло, алло, вы меня слышите? Вы меня понимаете? Ничего не понимаю. А как было дальше? Не перебивай старших. Молчи, когда тебя не спрашивают. А когда спрашивают, отвечай. И только правду. А правда она всегда подноготная. Это то, что не хочется говорить. Ведь как узнать, что правда, а что неправда? То, что не хочется говорить, это и есть правда. За правдой следуют наказания. Иначе какая тогда это правда? Или в лучшем случае поучения.

Продолжение на стр. 5

Продолжение. Начало на стр. 4

ЕЛЕНА РАДЖЕШВАРИ

УРС, УЗК ИЛИ УЗЛЬ

Иногда отключают телефон. И тогда больше не с кем разговаривать черными зимними вечерами, когда мама в командировке. Она бьется там в тесной подземной клетчушке как огонь, рвет зубами ненавистный запутанный кабель, колет себе об него пальцы в кровь, чтобы он поскорее присоединялся к этому допотопному, требующему срочного капитального ремонта УЗЛю. Она должна поскорее вернутся к своим детям.

Ее ребенок один в доме, за окном темная пустота. Это очень страшно. В темноте за окном может произойти все что угодно. Все страшные рассказы собираются под окном и рассказывают себя. Вот пришли эссесовцы. За ними слетелись чудовища из сказок народов мира и притаились под окном, поджидают. Запрятались в диком винограде и перебирают лапами его ветви. Сестра ушла в школу, она теперь ходит во вторую смену и мы не видимся. У меня почти всегда нет сестры. Бабушка мчится на ночных поездах с пересадками, вызванная срочно из Удмуртии для сидения с внучкой. Бабушка не успевает. Почему она вообще уехала от нас? Ей опять зачем-то в свою Расею захотелось. А я тут одна и скоро конец всему. Уже совсем темно.

Какой-то глухонемой телефон на подоконнике. Искушение. К нему запрещено прикасатся. Это только для работы, ты поняла? Телефон не игрушка. Он не для детей! А разве это темное одиночество в двух смежных комнатах для детей? Алло, раздается в трубке, вам кого? Мне маму. Когда она вернется из командировки? Я не знаю, девочка, положи трубку. Там какой-то ребенок один в квартире. Да, я ребенок, один в малогабаритной квартире. Мама скоро придет, не плачь. Я не плачу, я уже большая. Я хочу сказку. Вот придет мама и расскажет, подожди. А когда мама вернется? Скоро, тебе говорят, господи, что с ней делать? А бабушка когда приедет? Девочка, положи трубку. Хорошо. Я буду хорошей девочкой.

Снова страшно. Искушение стать нехорошей усиливается. Вот опять. Алло! Вам кого? Расскажите мне, пожалуйста, сказку. Девочка, положи трубку, твоя мама сейчас придет. Нет, она не приходит. Где твоя мама работает? Она работает в Узле. В каком еще таком узле? Там, где землянка. Как ее фамилия? Кажется, я что-то натворила. Но маме я не скажу. Пожалуйста, расскажите мне, сказку. Девочка, сейчас будет твоя мама, ей уже позвонили, она скоро придет. Не мешай работать. Я хочу маму. Мама будет. А телефон заберут. Не для детей.

А вот Биленкины, особый род сотрудников-несоседей. Из самых любимых. Живут себе припеваючи далеко за Десной. Не за Десной, конечно, за Десной уже область или район, а тут еще город, но рядом с Десной. То есть не рядом, рядом мы, а в ту сторону, куда утекает Десна. Она утекает в неизвестность. По ней ходят большие корабли. На них ездят колхозники с торбами. Куда они плывут? И откуда? И какие у них командировки? И чего только они не видят, проплывая на огромных белых лайнерах по синей реке. Я тоже хочу поехать на таком корабле в командировку в ту сторону, куда утекает Десна. Вот мы и поедем летом на море, а пока что хватит и нашего пляжа. Скоро уже отпуск, потерпите.

Не тяните меня, руки отрываете. Обычно плететесь как клячи, а тут понеслись как резвые кобылки. Еще бы! К Биленкиным же! У Биленкиных не баловаться, слышите? Имелось в виду, конечно, слышишь, потому что сестра никогда не баловалась. Но нельзя же без конца воспитывать меня одну. Квартира Биленкиных на пятом этаже. Сейчас будет вид. Па-но-рам-ный. Но мы с двумя тяжелыми сумками, набитыми сюрпризами, то есть пирогами. Толкайте меня снизу. Или нет, одна пусть тащит сверху, а другая толкает снизу. Как хорошо иметь двух дочерей! Вашей маме срочно нужно худеть. Скоро будем ходить с Биленкиными после работы на Десну. В группу здоровья. И вас я с собой брать буду. Нечего весь день на диване с книгой валяться.

А вот и Вы, Эмильпална! И девочки! Подросли-то как! Зачем вы это с собой несете?! Как вам не стыдно, мы столько наготовили. Маленький чернявенький мальчик выглядывает из-за кухонной двери еще более малогабаритной квартиры, чем наша. Как у вас уютно! Молодцы, как экономно разделили пространство! Пространства вообще не было видно после его разделения. Хорошенький мальчик опускал глаза и смотрел вовсе не на нас, таких уже больших девочек, а вниз. Он смотрел в тарелку, аккуратно ел и никак на нас не смотрел. Симпатичный воспитанный мальчик. Прямо принц. А его папа Вадим Биленкин это счастливый веселый король. Хотя у него тяжелая болезнь. Какая именно, неизвестно, но мама говорила, что страшная.

Да, так прямо и говорила «это страшная болезнь» и закатывала глаза. И у меня мурашки ползли по коже и я не хотела знать, какая это страшная болезнь. Ему нужно было по ночам вызывать скорую помощь и мама отдала ему наше право на телефон. Тем более, что нам его бы так или иначе отключили за мои грехи. Но с виду никакой страшной болезни не было. Он все время смеялся и смешил других. Он был добрый, веселый и красивый. И еще какой-то. Непонятный. Но какой, я тогда не знала.

Потом услышала, как мамины сотрудницы между собой говорили, что это шарм, и он всех покоряет. И мне показалось, что неправильно сказали, нужно шрам, а не шарм. И поправила, хотя сомневалась, где может быть шрам у Вадима Биленкина. И как это может быть, чтобы шрам покорял? Может быть срам? Но при чем здесь срам? Срам это бабушкин «стыд и срам», когда мы балуемся. Тогда получается, баловство это, как Вадим Биленкин себя ведет? Таким нужно быть, чтобы всем нравиться? Мама, конечно, объяснила. А его жена Эллочка была похожа на французскую киноактрису. Почему французскую? Прическа такая. И фигура. Ножки в туфельках на шпильках. И аккуратные манеры оттопыривать пальчик, держа ножик.

А мы с сестрой, вернее, я, а за мной сестра, стали усиленно налегать на устрицы, впервые увиденные. Однако это не могли быть устрицы, откуда там было взяться устрицам. Но что-то такое особенное, из Киева. Ведь Биленкины были из самого Киева. Не просто так, как все, а из Киева. И мама, выйдя от них, сказала разочаровано и укоризненно «мне было так стыдно за вас, когда вы набросились на эти» устрицы, которые были не устрицами, но из Киева. Стыдно мне не было, но маму было жалко. Как это должно быть обидно — стыдится за своих дочерей. Которые в первый раз узнали, что значит быть из Киева.

А как-то раз, но уже потом, на время длительной коммандировки, когда бабушка снова никак не могла расстаться со своей Расеей, нас с сестрой пришлось рассовать по разным семьям сотрудников. Сестре досталась семья, где дочери уже в семь лет знали наизусть всю грандиозную Песнь о вещем Олеге. Но мою сестру это никогда не впечатляло. Она училась играть на пианино. Этого было довольно. На «пиянине» говорила бабушка. А мне достались Биленкины. Раскладушку для меня они поставили на кухне под столом между плитой и дверью.

Смеха уже особого не было. Были будни. Я ожидала шарма и волновалась. На этот раз он был легкий и едва уловимый. Как загладившийся шрам, который стал украшением на лице. У папы от войны на щеке такой. Гладкий как губы, и его все время хочется погладить. А папа только улыбается, когда я его шрам глажу и спрашиваю, тебе не больно? А он молчит и улыбается. Значит, не больно. Утром Биленкины уходили на работу, и хорошенький чернявый мальчик, который со мной не разговаривал, а только усиленно молчал, тоже куда-то исчезал. У него в Киеве были бабушка и дедушка. В Киеве! Недоступное былинное место. Даже представить себе невозможно, как это быть в Киеве. Я оставалась одна и не знала, что с собой делать. Ключа у меня не было. Нужно было сидеть и ждать. Принесенную с собой книгу я уже прочитала. От нечего делать пришлось искать другие книги. Когда-то мама восхищалась находчивостью Биленкиных, что им удалось уместить всю свою библиотеку в кладовку, где обычно хранят маринованные запасы и швабры с ведрами. Она была на расстоянии вытянутой руки от стола. Туда-то я и направилась.

Оказалась, что это целая потайная комната-библиотека. Присев на корточки, я перебирала одну за другой книги, просто чтобы знать, какие бывают книги на свете. На колени выпала зажатая между двумя томами брошюрка, тоненькая и совсем неприглядная. Я чуть было не поставила ее на место, но взгляд мельком ухватил одно слово из названия. «Половое». Какое половое? Руководство по мытью полов, что ли? Половое руководство. Неужели и такие книги есть? А почему для молодоженов? Что им что как-то особенно полы мыть нужно? Тут что-то не так.

Не доверяя названию, я раскрыла брошюрку и сердце мое остановилось. Половым оказался вовсе не пол под ногами. А что-то еще более грязное. Преодолевая отвращение, стоически, с огромным трудом и почти ничего не понимая, дочитала первые две-три страницы до конца. Руки задрожали, как у преступника после содеянного. У Диккенса всегда дрожали руки преступников. Перед глазами помутилось. Так мутилось в глазах у диккенсовских героинь, когда им сообщали страшную новость, и они падали в обморок, предварительно заломив руки над головой. Их подхватывали стоявшие рядом тайные возлюбленные. Мир вокруг поехал. Я попалась в ловушку. Я поставила улику на место, замела следы преступления, закрыла кладовку, вернулась к раскладушке и осела. Ошарашенная половой тайной Биленкиных, бесчувственно смотрела в окно, за которым открывался баснословный панорамный вид.

Жить как-то расхотелось. Вернее жить все-таки хотелось, но чтобы жизнь была иначе. Чтобы этот грязный половой мир в ней не существовал. Как теперь смотреть в глаза веселому, страшно больному королю и его почти французской королеве-актрисе? Они придут и узнают. Сразу обо всем догадаются. Будет стыдно на всю жизнь. Я узнала их позорный секрет, который они запрятали в кладовку и заставили книгами. А он выкатился мне прямо на колени. Я не виновата. Мне просто хотелось что-нибудь почитать. Поди теперь докажи. Так бабушка говорит.

Но Вадим, как он мог? Я так обожала его, а он! Неужели все это правда? Или это делают только гнусные, как само это слово, и разнузданные, как само это слово, люди? Биленкины на таких не похожи. И мама их любит. А вот слова такие не любит, и я их не люблю, но произносить иногда приходится, чтобы называть вещи своими именами. Может быть, Биленкины только из любопытства купили эту книгу, или им подарили? Но она им, конечно, не понравилась, и они запрятали ее подальше, чтобы никому на глаза не попадалась. Книги ведь нельзя выбрасывать. У кого спросить? Что теперь делать?

Сидеть и ждать своего страшного суда было невмоготу. Подчиняясь инстинкту самоохранения, я встала и ушла. Оставив чужую квартиру незапертой. С чувством запятнанной со всех сторон совести. Куда теперь идти? Как объяснить свое бегство? Как смотреть теперь людям в глаза? Смотреть в глаза Вадиму Биленкину я больше не собиралась. Куда идти куда глаза глядят, если выбора у глаз нет? Странный все-таки язык. Дорога была только одна, в город. Асфальт под ногами плавился. Улица шаталась как пьяная. Ноги шли сами собой без всякого ориентира. Они могли привести только на улицу Белинского, дом номер шесть, квартира один. Ключ от квартиры мама на всякий случай мне оставила.

Я открыла дверь, вошла в родной мир, испещренный пляшущими тенями дикого винограда и заставленный зачитанными томами невинного Диккенса, легла на диван и заплакала. Наверное от того, что мама всегда в командировке. Но лучше быть одной. Лучше бояться темноты. Лучше умирать от страха в одиночестве. Чем испытывать низкое и гадкое предательство людей, которые казались такими хорошими. Мир рухнул. И самое страшное, что самым страшным в нем оказался вовсе не УРСК. Когда-то он был страшным УЗК, удаленным от нормального мира. А теперь весь мир — Узник, весь мир — Узел, весь мир — Землянка, в которой происходят недозволенные непростительные действия, подрывающие основы человеческой культуры и культурного человечества. И после такого еще Песнь о вещем Олеге учи.

Но что ни говори, было и отдохновение. После которого все эти ужасы взрослой жизни забывались и можно было ни о чем не беспокоиться. Вот подружка Надя через дорогу. Живет она в домике на курьих ножках, который осел в землю и ножки в ней застряли. А кто у нее родители? Спрашивала мама. Ее родителями была бабушка, других родителей не было. Бабушка носила передник и платочек на голове, как все бабушки. Она никогда не улыбалась. Надя тоже никогда не улыбалась. Она была тихим и немного запуганным ребенком. Без сопротивления. Я это сразу почувствовала, потому что сопротивления у меня было в избытке. Это как сопротивление материала, по которому пускают ток, а ты не позволяешь ему по себе проходить. Не хочешь и все тут. Считаешь, что не нужен тебе этот ток внутри. Мне мама все объяснила про ток и сопротивление.

В их домике было темно, как во всех домиках на курьих ножках в округе. Разглядеть в темноте можно было темные кровати по стенам, темные столы, темные комоды и темные стулья. Полутемные занавески на окнах. Тюль, говорила Надя. Вот словечко же! Как недоговоренный тюлень. Мама не любила, когда я в этот домик заходила. Может быть, из-за запаха. Там был запах. Какой? Ветхости и застойности всего, что там было. Из окон можно было потрогать землю. На грядках у окон росли жиденькие цветы мальвы. Самый вульгарный цветок. Мне казалось, мама так думает, когда она, проходя мимо, смотрит на этот домик. Иногда я угадывала ее мысли. Или додумывала их до конца. На нашей же грядке росли не какие-то там ноготки, а георгины, пионы, гладиолусы. Астры. Красота. А-ри-сто-кра-ти-я.

В нашем дворе все было аккуратно. Соседи-сотрудники не толпились, не сновали взад-вперед, а уютно грелись на солнышке или организовано и весело справляли сабантуй по воскресеньям. Что такое сабантуй, никто не знал. Было просто весело. С шуткой-прибауткой. Это очень приятно. Выносили стол, выставляли угощение. Дети носились взад-вперед и по такому поводу им разрешалось баловаться. Это было настоящее приключение, событие в жизни, можно сказать. Если утром, то событие называлось пикник. Смешное слово. Пик, а потом ник. Как воробей чирикнул.

А во дворе Надиного домика всегда толпился какой-то пришлый люд. Он что-то мастерил или сидел за столом и ничего не делал. Перед ним на столе стояла большая бутыль с прозрачной жидкостью и стаканы, а на старой помятой газете лежала колбаса и сильно пахла. На люд интересно было смотреть, и я смотрела во все глаза, потому что такие странные дяди всегда в одних майках на голое тело мне нечасто попадались. Они косились в мою сторону, и поймав мои взгляды, отламывали кусок колбасы и протягивали мне. Из вежливости я с благодарностью ее принимала и не знала, что с ней дальше делать дальше. Так ведь не едят. Колбасу нужно резать аккуратными тонкими ломтиками и накладывать на бутерброд с маслом.

Продолжение на стр. 6

ПРОЗА ПОЭТА

Продолжение. Начало на стр. 4-5

ЕЛЕНА РАДЖЕШВАРИ

УРС, УЗК ИЛИ УЗЛЬ

Но чтобы они не заподозрили, что я гнушаюсь — это бабушкино слово и мама его не любит, от него мурашки по коже, но тут оно подходит, потому что я действительно гнушалась их угощением, но чтобы они так не подумали, я откусывала от их колбасы. А потом мы с Надей убегали по своим делам и я выбрасывала вонючий кусок в кусты. Пусть какая-нибудь собака съест. Надя это видела и ничего не говорила, но как-то внутренне это не одобряла. Надя многое знала, чего не знала я, но молчала. Она непонимающе смотрела на меня, когда я спрашивала. Вот например такой пример. Так наша учительница говорит, а мама говорит, что так неправильно говорить. А мне нравится говорить неправильно, так смешнее, хотя мама сердится.

Надя вообще говорила совсем по-другому, не так, как мама. Она даже про встретившуюся нам однажды тетю с большим круглым животом сказала, что у нее там ребенок. Что за глупости! Мама говорит, что у таких теть болезнь. Водянка называется. И как она могла туда ребенка затолкать, спросила я тогда у Нади. Сумасшедшая что ли? Детей на руках носят. А не под платьем. Надя не ответила, только странно взглянула на меня. От таких ее взглядов западали молчаливые сомнения. Может быть, ей не хватало слов, чтобы объяснить. Зато под ее немым руководством мы ознакомились со всеми лазами между заборами, где можно было построить халабуды и спрятаться от взрослых. Ради этого стоило не слушаться маму, убегать из дому, привязав собаку Джину к ручке двери, чтобы воры не вздумали без меня забраться в квартиру, когда не было ключа. Стоило без конца ныть по выходным «отпусти меня с Надей поиграть». Только недалеко, слышишь? Недалеко неинтересно, мама. А далеко страшно. Интересно там, где страшно.

В полуразвалившемся монастыре в самом конце нашей улицы мы искали подземные ходы в Киев, вырытые монахами в стародавние времена. Перед пещерами были навалены щебень и мусор, а вокруг стояли разрозненные могилы. На них покосившиеся железные кресты, полустертые фотографии умерших, жалобные надписи к ним и выцветшие искусственные цветы. У кого-то когда-то умер молодой сын или совсем ребенок. Вокруг ни души. Заброшенный мир. Мы одни на диком заросшем кустарниками холме. На краю ойкумены. Пришел какой-то человек и стал на нас смотреть. Вы одни? — спросил он. Отчего-то вдруг повеяло зловещим. Мы, мы хотим яблок нарвать, соврала я. Тогда он взял мою подружку на руки и поднял вверх, подтягивая к веткам с несъедобными райскими яблочками. Надино тельце болталось у него в руках как неживое. Я стала его умолять отпустить Надю и ничего нам не делать. Он ничего не сделал. Мы убежали. Маме я об этом событии предусмотрительно ничего не сказала.

А однажды, когда Надина бабушка пошла на кухню, оставив нас одних, Надя запустила руку в верхний ящик темного комода, порылась там и вытащила из-под вороха белья колоду карт. Подмигнув мне, она знаком позвала меня на улицу. Дойдя до пустого соседского двора, мы принялись рассматривать карты. Это были фотографии. Странные карты с фотографиями. На них были девушки в купальниках, а одна даже голенькая. Зачем это? Надя хихикнула. Ты что не понимаешь? Я оставалась в недоумении, чувствуя однако, что здесь какой-то подвох. И хорошо, что мама об этом никогда не узнает.

И тут на меня из одной фотографии снова воззрились белокурые Вера-надежда-любовь соседки бабы Лены. А что это такое? Ты что не знаешь? Не знаю, а что это? Ну Вера — это имя такое, есть Веры, знаешь? И что? А есть вера, как кто-нибудь в церковь ходит и в бога верит, знаешь? А Надежда тоже имя, как у меня, Надя — это надежда значит. Ну и? Ну, надежда такая, знаешь, когда люди надеятся, что все хорошо будет. Не знаю, мама так не говорит. Ну слушай, Любовь тоже имя такое, к нам на двор тетя Люба ходит, знаешь? Нет. Какая еще такая Люба? И любовь есть, это когда дяди и тети влюбляются и все такое, понимаешь? Она снова хихикнула. Нет, не понимаю. Она серьезно взглянула на меня. Как это не понимаешь? А еще инженерская дочка. Разве я инженерская дочка? Я думала, я просто мамина дочь. Теперь к моему удивлению прибавилось еще и это. Ну а зачем это все написано и фотография тут при чем? Фотография про имена, чушь какая-то. Надя сокрушенно покачала головой и спрятала карты в карман. Все осталось непонятным.

Разница между людьми настигала меткими ударами в затылок. Вот например, подружка Неля, все на той же улице. Подружка как подружка. Одноклассница. Так мы и познакомились. Нам из школы по пути было. Тут и зарождались все эти невообразимые проекты, которые мы осуществляли после школы. Сначала мы заходили к ней домой. Дом был темным деревянным сарайчиком с анфиладой совершенно непроглядных помещений, уходящих в глубь их семейной жизни, в которой ни зги. Перед сарайчиком садик. В садике грядки, крылечки, будки, все как полагается. Посередине развалившаяся песочница. В ней какой-нибудь забытый богом малыш самозабвенно печет пирожки и ни на кого не обращает внимания. Московский дворик Поленова из учебника. Уютнее не придумаешь. Тих и пустынен.

Однажды я там увидела висевшую на просушку тряпку. Она мне приглянулась, розовая, рваная и прозрачная. Висела и сохла на крылечке у Нелиной соседки. Мне захотелось ее стянуть. Правильнее сказать стырить. Выражаясь еще сильнее, по-мальчишески, стыбрить. Но мне повторять за ними нельзя. Это неправильный русский язык. Так могут говорить только уличные мальчишки. Ну хорошо. Не иметь — она мне была никчему, а именно только украсть. Бывае иногда такое. Тебя вдруг охватывает неодолимая сила. Страсть к приключению, что ли. Ничто перед ней не устоит. И сдернула я эту тряпку с перил и рванула со двора. Думая, что меня никто не видит. Но в ту же секунду на крыльцо выскочила бабка, законная владелица розовой тряпки, и закричала. Наверное, она караулила свою тряпку за окном. Что она кричала, я уже не могла разобрать. Я уловила одно ее «А еще называется девочка!», но это только меня еще больше раззадорило. Вслед за мной неслась сестра и тоже кричала, чтобы я остановилась и отдала тряпку. Бабка долго гналась за нами и за тряпкой. Но нам удалось скрыться. Тряпку я выбросила в овраг с лопухами и репейником. Там ее никто не найдет. Зачем ты это сделала, спросила сестра, догнав меня и отдышавшись. Теперь она маме расскажет. Страшно, конечно, но зато как весело!

Родители у Нели были подходящие. Папа преподавал спорт или еще какую-то важную премудрость в местном техникуме. Моя мама выслушала это со строгим лицом и одобрила. Нелина мама встречала нас после уроков у плиты, где шипела и брызгалась жиром какая-нибудь рыба. Она мне всегда улыбалась и говорила с акцентом. Да, с акцентом. Что за акцент, я не знала. Акцент этот приятно было слышать, как любой акцент. Акцент это значит, что человек знает что-то, чего ты не знаешь. А акцент Нелиной мамы был с улыбкой и как не от мира сего. Она всегда хотела нас накормить. Но ни Неля, такая же щепка, как я, ни я, мы обе никогда не хотели есть. Тогда хлеба. Хлеба тоже не надо. Ну хоть кусочек. Нет, спасибо. Примерка ножом по буханке. Улыбка. Столько хватит? Приходилось брать. С ответной улыбкой. Почаще улыбайся, говорила мама.

Дальше заход ко мне домой. Никого нет. Мама всегда на работе. Сестра всегда в школе. Бабушка почти всегда в Удмуртии. Папа то ли в Архангельске, северной столице архангелов, то ли в Мурманске у замурованного хмурыми льдами моря. Только сумасшедая Джина рубит хвостом воздух, встречая нас у двери. Пинком забросить ненавистный ранец в угол прихожей. Быстро вывести собаку. И я свободна. Обед стоит на кровати в спальне, завернутый в несколько полотенец и одеял, и доваривается, ожидая моего прихода. Напрасно ждет. Привет, обед! Ты достанешься Джине. И мы вырываемся на свободу с хлебом в руках. Куда? На базар! Куда ходить невелено. А что там, спрашивает Неля. Какая разница? Вот и узнаем, почему туда нельзя ходить. Огромная упоительная свобода расстилается перед нами и уводит за горизонт ближайшего дома на следующую улицу плоть до самого вечера.

По воскресеньям базар был народным гулянием. Тут продавались цветы и фрукты, а еще сметана и горячие пончики с обжигающим повидлом внутри. Вкуснятина! Здесь было место встреч сотрудниц с детьми. Народу не пробиться. Все толкаются, покупают и продают. Встречные сотрудницы улыбаются, так это ваши дочки? Да, мои дочки, с гордостью и радостью подтверждала мама, выставляя нас вперед. Сотрудницы смотрели, какие мы дочки. Нам становилось неловко и мы прятались за маму. А это ваш? Какой хорошенький! Я заглядываю в коляску, чтобы удостовериться, хорошенький ли. А мама уже объясняет за меня. Моя дочь очень любит маленьких детей. Вот как! А я до сих пор этого не знала. Младенец как младенец, ничего особенного. Но возражать в таких случаях не принято. Кругом воскресенье, лето, праздник, все друг другу улыбаются. Солнце светит и тоже улыбается. А сразу после базара с фруктами на пляж. Тут уж не до таких мелочей, люблю ли я маленьких детей. Но кажется, не особенно люблю. Просто на базаре по воскресеньям в солнечную погоду в ожидании пляжа принято улыбаться и любить младенцев маминых сотрудниц.

Базар далеко, сначала в гору и пересечь огромную площадь, уворачиваясь от бешенных троллейбусов, затем прямо по аллее, потом налево. И тут уж близость базара давала о себе знать вонью и поломанными заборами. Воняло отнюдь не гнилыми овощами. Базар в будние дни представлял собой совсем иную картину. Там, вдоль деревянных загородок с выломанными досками, шатаясь, ходили взрослые дяди и писали под забор. А потом валились туда же. Подбадривая друг друга хихиканьем, мы ходили между рядами и нам постепенно становилось скучно. Никаких открытий. И страшновато слегка. Толстые до невозможности тетки-продавщицы грубо на нас поглядывали. Никогда не буду такой толстой. Пошли отсюда. Благополучно завершив разведку и узнав, что такое злачное место, мы покинули вонючий и злой базар с другого входа и очутились на незнакомой улице.

Огляделись как настоящие следопыты. Так надо в незнакомых местах, об этом пишут в журналах Юный натуралист и Вокруг света, которые мы выписываем. Через дорогу стояла крохотная деревянная церквушка, вся серенькая и незаметная. В нее входили люди, так запросто, как будто это был обычный дом. Она была открыта! Все церкви и монастыри в нашем городе были заколочены. Мы тогда еще не осмеливались залезать в них, а все ходили вокруг да около, снедаемые любопытством. А вот мальчишки лазили. И рассказывали нам, что там. Мы тоже протискивали головы в щель между створками и пытались заглянуть вовнутрь. Мальчишки раздвигали створки пошире, чтоб было видней. Темно и затхло. Поломанные доски. Кто-то бросал камень. Взлетали голуби и метались под куполом. А вон Вий, кричал какой-нибудь мальчишка. Девочки с визгом разбегались. Мальчишки гигикали вслед. Это повторялось ни один раз.

А тут открытая церковь. Мы с Нелей переглянулись и не сговариваясь пошли прямо к входу. Вошли на крытое крыльцо. Вокруг старушки на скамеечках по стенкам. Все в черном. Уставились на нас. Мы дошли до середины, чувствуя кожей их подозрительные взгляды. Они стали перешептываться. Кивать на нас головами в черных платочках. Сзади раздалось: им сюда нельзя, они пионерки, батюшка не велит. Мы приостановились. Но ведь мы еще не пионерки, мы просто длинные, как оглобли, так говорит мама. Наверное, это не к нам относится. Хоть и не относится, но мы в стане врагов, это ясно. С большой осторожностью мы опять стали приближаться к раскрытым дверям впереди.

Но тут у самого входа в запретное помещение, откуда все сияет золотом и златом, поднялась со скамьи самая черная и самая костлявая старуха, наверное, самая главная, и уставившись на Нелю, указала на нее черной костлявой рукой и громко прохрипела: они Христа распяли!!! И в ту же секунду раздалось всеобщее негодование, шипение, кипение. На миг нас с Нелей пригвоздило к полу. В ужасе от содеяного, мы смотрели на черное море старух, бурлящее и рокочущее вокруг нас. И не дожидаясь худшего, развернулись и рванули наутек.

Мы бежали во всю прыть, не оглядываясь и не останавливаясь. В голове носился рой. Говорят рой мыслей, но это были не мысли, а крики. Вопли черных старух смешивались с обвинительными голосами собственной совести. Кого это и когда мы распяли? Я ничего такого за собой не помню. Разве что розовая тряпка? Но как они могли узнать? Больше ничего особо преступного я за собой не знала. А Неля без меня вообще тихоня. Страх погони придавал нам невероятную резвость. Только бы не узнали, где мы живем. Вслед на нами несся рокот и топот страшных старух. Вслед за нами неслось само распятие Христа и воткнулось древком в землю перед калиткой, куда я пулей влетела, так ни разу и не переведя дух. Неля понеслась дальше, к своему сарайчику. Я ворвалась в квартиру и прижала телом дверь. Что мы наделали! Что нам теперь за это будет? Может быть, лучше рассказать маме всю правду? И про базар и про розовую тряпку?

Вопросов было много. Вот пан-бархат-на-шифоне. Что это такое? Не сам материал, конечно, я его пощупала и убедилась, что он тяжелый и в одном направлении шершавый, а в другом гладкий, и это глупо, как само его название. При чем здесь пан? Как бархат вдруг оказался паном и воссел на шифоне? А шифон это сифон, только с буквой ш. И тогда совсем непонятно. Да и не нужно все это. Но соседская девочка и одноклассница Люда без конца произносила это дурацкое название и поглаживала рукой платье своей мамы, сшитое из этого малограмотного слова. Никогда не буду носить платья из материалов, у которых такие глупые названия. Или ситец. Куцый какой-то, как само название. Гораздо лучше и правильнее хлопчатобумажная ткань. Так говорила мама. Или лен. Лен приятно произносить. Как будто леденец во рту держишь. Особенно, когда льна, льну и льном. Это лен-конопель и про него есть веселая песня. Эту песню мы с мамой поем на кухне после ужина. Лен — самая благородная одежда для человека. В нем столько веселья, вольготности, и даже разухабистости — от него петь и плясать хочется.

Дом подружки Люды на пригорке, внутри которого затаилась беспробудная тьма пан-бархата, обходился мной по внутреннему велению стороной. В нем когда-то умер ребенок. Сначала там целый день кричал женский голос и люди толпились у крыльца. Шепотом произносилось страшное: машина сбила. Я даже не знала, какой это был ребенок, хотя знала всех детей в округе, наверное, был слишком маленький и незаметный. На следующий день там наступила тишина и мы боялись проходить мимо этого дома и шли по другой стороне улицы. А потом к нам забежала Люда и сказала: сегодня хоронят, идем смотреть. И мы побежали смотреть. В доме пан-бархата был выставлен на прощание гробик с младенцем. Он казался куклой. Белый как мел среди белых лилий. Вокруг люди, все в черном. И все молчат.

Окончание на стр. 7

Окончание. Начало на стр. 4-6

ЕЛЕНА РАДЖЕШВАРИ

УРС, УЗК ИЛИ УЗЛЬ

Смотрят на ребенка среди лилий. Смотрят не отрываясь. И молчат. Так они и стояли долго-долго и молчали, а мы не выдержали и убежали.

На улице уже собралась похоронная процессия с музыкантами. Тоже в черном. С огромным барабаном и громадными ударными тарелками, как на концерте в летней филармонии. Потом вынесли крошечный гробик и вывели под руки мать. Все боялись на нее смотреть. У нее были слепые глаза. Она уже не плакала, не кричала и не билась в руках соседок. Все выстроились за гробиком и пошли. Жутко ударили в тарелки. Конец света. Была еще какая-то музыка, но тарелки ударяли слышнее всех. Через каждые пару шагов удар. И все идут, подчиняясь ударам. Похоронная процессия сошла с горы, прошла мимо нашего двора и скрылась за переулком. Из ворот выходили люди и молча смотрели им вслед. Удары тарелок еще долго раздавались над притихшей улицей. И еще дольше было слышно молчание людей, застывшее в пустых окнах и распахнутых калитках. Потом в доме пан-бархата были поминки. Мы пошли туда, но есть не стали. Есть было невозможно, хотя взрослые говорили, что надо. На помин души. Так они говорили. Мы ушли оттуда и унесли на-помин-души с собой.

Дома я спросила у мамы, что это на-помин-души. Мама сказала, чтобы мы никогда не перебегали улицу перед машинами. Но нами уже овладел азарт. Мы бросали вызов смерти и страху, перебегая дорогу прямо перед носом редко проезжающих машин, поджидая их иногда часами. Кому удастся проскочить совсем близко от машины, тот выиграл. Однажды сестра так выиграла, что ее протащило по асфальту вниз под гору. Перед глазами возник белый цветок, качающийся на волнах черного горя. Зловещий бой ударных тарелок, уводящий на тот свет. Кровавые ссадины на ноге никак нельзя было скрыть от мамы. Мама гсказала, что нельзя доставлять такое горе другим. Пришлось оставить любимую азартную игру.

Жизнь проходила на улицах. В пасху на них валялись разноцветные яичные скорлупки. Окрестные бабушки сидели в своих избушках на курьих ножках при открытых дверях. Из любопытства мы заходили и здоровались. Бабушки доставали яички из тарелок, украшенных зелеными побегами овса, и со вздохом протятивали нам, неверным. Мы не знали, как вести себя дальше. Мы ведь просто из любопытства. А бабушки верующие и для них это серьезно. А для нас забава. Ведь пасха это предрассудок и яйца тоже. К тому же невкусные. Уже у себя дома накрасили и наелись. И овес в тарелку насадили. А зачем, никто не знает. Даже мама объяснить не может, а сама красит и нас заставляет.

Яйца катились по тротуару, мальчишки бросались ими как камнями. И смеялись. Они были невоспитанные. Бабушек было жалко. Город несколько дней был украшен трупиками добрых бабушкиных суеверий. Ну, хорошо, я когда-нибудь про это напишу. Пусть эти старенькие бабушки, раздаривающие пасхальные яички чужим детям, сидящие в праздничной одежде в своих бедных прибранных горницах у простого стола, ждущие гостей и христования, наработавшиеся накануне и вздыхающие от усталости, древней своей веры и невоспитанности детей безбожников, пусть они тоже останутся в анналах, хоть немножко. Не одним же вещим Олегом, как не хлебом единым.

А еще мама говорит, что с народом плохо обращаются. Это не у нас, это в селах. У нас не народ, а городские жители, хоть и провинция. Мы даже можем уехать в другой город, если поменяем квартиру. А куда? Ну, на Дальний Восток, например, в Петропавлоск-Камчатский. Если дадут направление. Хотите? Еще бы! Или в Ригу. Рига? Что-то не очень. И слово какое-то сельско-хозяйственное. Разве там водятся дикие собаки динго? Я хочу разрубать молоко топором по утрам, когда оно в сенях за ночь застынет. Сеней у нас не будет, нам предстоит жить в городе. А в городах центральное отопление. Как у нас.

Вот в селах этого нет и колхозникам не разрешают уезжать из колхозов. Они даже хлеб ездят покупать к нам, потому что своего нет. Они набивают буханки в торбы, закидывают торбы на спину и гнутся в три погибели, таща их на спине домой. Как это в три погибели? Вот так, видишь, как она сгорбилась под ношей. Но разве она погибает, да еще три раза? Не придирайся к словам. Это русский язык. А вам его нужно знать. И говорить правильно. Колхозница уносит торбу с хлебом, сгибаясь по-русски в три погибели, в свое украинское село, откуда ее не выпускают, разве что за покупками. Она скрылась из виду. А в три погибели осталось. Навсегда. С народом, который не мы. Мы можем уехать в Ригу, куда не хотим. Куда зашлет мою маму коварный властитель судеб Узль.

А пока нет. Пока все еще бегают по улицам невоспитанные мальчишки и отчаянные девчонки, залезают на общую шелковицу и объедаются ягодами. Кто выше залезет, тот больше съест. Шелковица корявая, раскидистая, лазить по ней сплошное спортивное удовольствие. Ягоды вырываются из рук и плюхаются на мостовую, а бабушки кряхтя наклоняются и собирают их в ведерки. Там нас находит после работы мама. Какие вы измазанные. Да, мама, ты и не подозреваешь, как это здорово быть такой вот замарашкой. Совсем как Козетта. И чем дальше, тем интереснее. Идемте ужинать и мыть ноги. Сегодня вечером мы идем в театр. Нет, мама, шелковица важнее. Важнее, чем Риголетто, Джильда и Травиата вместе взятые, ну когда-нибудь потом не сейчас, сейчас шелковица. Возражения маминой культуре бесполезны. Под сочувственные взгляды дворовых детей инженерским дочкам приходится спускаться с седьмого неба и влачить дальше грустное существование на первом или втором ярусе провинциального театра, потому что билеты в партер маме уже не достались. Да и дорогие.

В театр полагалось ходить, хотя бабушка из Удмуртии этого не признавала. Только деньги попусту изводить. Все бабушки были из народа. Кроме бабушки Лены и Марины. Она была из потомственной украинской аристократии. Об этом говорили все сотрудники. Большое исключение из бабушек. В ее доме собирался весь свет, все сливки провинциального общества, как его иронически называла мама, и там устраивались шарады. Детям тоже нужно было играть во взрослые шарады. Скучно и невесело. Другое дело шелковица. Над бабушками из народа можно было посмеяться, над бабушками-аристократками нет.

Вот например опять такой пример, Танина бабушка, подружкина. Она увлекалась курами. Хобби, сказала бы мама. Хобби среднего рода, а кофе — он. Поди догадайся почему. Куры были повсеместным хобби всех бабушек в округе. Тане такое хобби не нравилось. Наверное, ей хотелось, чтобы у ее бабушки было бы какое-нибудь особое, отличное от всех хобби. Но бабушка только о своих курах и думает, говорила Таня. А куры такие глупые, все дуры. От нее только и слышишь что «цып-цып-цып». Пишется через «ы», как цыгане и цыплята. А какая между ними связь? Цыганам руку давать было нельзя, а то рука станет в цыпках. Тут хотя бы ясно, почему цыгане тогда тоже через «ы».

Хотя цыган было в городе мало, но их всегда нужно было остерегаться. Но как тут побоишься, когда так любопытно, кто они такие да откуда взялись. И почему они на нас не похожи? Когда мы были одни без мамы, я все-таки давала на улице цыганке руку. Она водила пальцем по ладони и хвалила. А потом ждала, испытующе глядя в лицо. Сердце замирало. Вдруг она меня тайно заколдовала и уведет с собой? Вот бы побродить с ними лето, а потом вернуться. Но цыганка загадочно улыбалась и уходила, развевая юбкой дорожную пыль. Разноцветно одетые кочевники были единственными посланниками дальних далей, растилавшихся за пределами нашего мира. Не считая маминых пластинок с иноземной музыкой. Пассакалия Баха. Батыр Закиров — Арабское танго. Фокстрот Маленький цветок.

Иногда цыгане стучались в дом и называли себя погорельцами. Мама собирала для них еду в мешочек и протягивала через порог. А потом соседи переговаривались между собой, где же это был большой пожар. Да нигде. Что-то в «Деснянской правде» об этом не писали. Но в «Деснянской правде» даже о ежегодных наводнениях не пишут. Хотя это самая что ни на есть правда, и деснянская к тому же. Об этом все знали и без газеты. Был пожар или не был, но милостыню сотрудники и соседи все равно давали. Милостыню нельзя не дать. Милостыня красивое слово.

Не то, что делала Таня, чтоб навредить своей бабушке из народа. Схватив тарелку с намоченным просом, она высыпала ее содержимое в помойное ведро. Городские жители не любят народ. Сплошное бескультурье, говорят. А кто в этом виноват? У них же там нет «энтих тиянтров», как ехидно называла бабушка мамину пустую трату денег. Откуда там у них могут взяться другие хобби, кроме кур? Мне не нравилось Танино вредительство. Но из чувства солидарности с подружкой я молчала. Спрятавшись за крыльцом, мы видели, как бабушка идет кормить кур. Хватилась проса, а проса нет. Сунулась в помойное ведро и наскребла пятерней размокшее просо в помятую миску. И гордо, ничего не сказав, прошла в свой любимый курятник. Оттуда раздалось «цып-цып-цып». Фу, сказала Таня, пошли отсюда.

Набегавшись по заброшенным монастырям и соседским дворам, мы возращаемся к дому. У колонки напротив шелковицы вертится одноклассник, неунывающий двоечник. Задира и приставала. Набирает воду в ведро, у них в доме водопровода нет. Не то, что у нас. Как можно жить без водопровода? А ему хоть бы хны, море по колено. Хотя как море может быть по колено? Но так мама говорит, и значит, может. Завидел нас и сразу начал. Эй, вы такое слышали? А что? Какой это язык, знаете? Иван де ля Пасэ и Мария Лентрэ. Это по-французски, сказала я. Звучит как в песнях Эдит Пиаф с маминой долгоиграющей пластинки. Эй, украинского не знаешь! Глупости, я так же по-украински, как и он. Ну скажи тогда по-украински «на меня в лесу напала голодовка», а? Не говори, не говори, закричала Таня. Я потом тебе объясню, зашептала она мне жарко в ухо, прикрывая телефонную связь ладошкой. Мальчишка скорчил насмешливую рожицу. Ну что, не знаешь? А еще отличница.

Тут уж я не стерпела. Обвинять меня в незнании такого! И я выпалила всю фразу почти до конца, где в слове голодовка после «д» должно было идти «і» по дилетантской логике приезжего ребенка. И запнулась. Мне стало ясно, что меня подвели. Я чуть не произнесла крамольное «гола дівка»! И мальчишка загоготал, задрав кверху голову и показывая здоровенный кадык. Трахнуть бы его со всей силы по этому подрагивающему кадыку. Но нельзя. На мне страшная стигма хорошей девочки. Инженерской дочки. Дурацкой отличницы.

Я же тебе говорила, Таня пыталась отвлечь меня от моего позора. Настоящая подруга. Пошли ко мне. Ерунда, не расстраивайся. Но он теперь всем рассказывать будет, что я сказала. Ты не сказала, ты только рот открыла. Он сам дурак. И никакой это ни украинский, а суржик. Суржик? Какой такой суржик? Что-то новенькое. Давай лучше есть. Я голодная, как сто волков. А что? Хлеб с салом. А корочку чесноком натирать. Вот так. Лучше горбушку бери. Больше натрется. А сало сверху. Так много? Разве это много? На, кусай!

Я такого еще никогда не ела. Я не уверена, можно ли мне это есть. Это как бы вульгарно что ли. Мама иногда говорила «как это вульгарно». Некоторые слова, например. А теперь это сало. Я боюсь, что сало — это вульгарно. Но из вежливости попробую. Обидеть Таню отказом от сала будет невежливо. А невежливость — это очень, очень нехорошо, может быть, даже хуже, чем вести себя вульгарно, кто знает. Времени на раздумье не оставалось. Поборов изрядное внутреннее сопротивление, я прикоснулась губами к холодному белому полужидкому-полулипкому веществу и откусила с самого краю. Оказалось действительно вульгарно. Но вкусно. И смешно немножко. Как суржик.

Даже страшно подумать, что всего этого могло бы и не быть, не забрось маму суровый рок УтРС, всемогущее подземно-небесное управление телефонной связи, в ту невероятную летнюю страну, не закинь он ее в темные ночные командировки, не пошли он ей малогабаритную квартиру с раздельным санузлом и целый сонм сотрудников и соседей, а нам, ее детям, шелковицу на перекрестке дорог. Нет, нет. Пусть это будет. Навсегда останется в ненаписанных анналах жизни. Такой, какой она была. С неправильным суржиком. С вопросами без ответов. Алло! Алло! Сотрудники! Соседи! Вы меня слышите? Там наверху?

УЗЛь навеки. Веранадеждалюбовь.

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о государственной регистрации некоммерческой организации

Региональная общественная организация "Союз писателей XXI века"

109190 г. Москва, ул. Любянская, д. 47, пом. VII, ком. 1

Решение о государственной регистрации некоммерческой организации при создании принято "24" января 2011 г. Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве.

Запись о некоммерческой организации внесена в Единый государственный реестр юридических лиц "08" февраля 2011 г. за основным государственным регистрационным номером:

1 1 1 7 7 4 6 0 2 3 0 9

Начальник Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве В.В. Дикопов

Учетный N 9 7 7 1 2 0 1 0 5 1 1 3

Дата выдачи "14" февраля 2011 г.

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

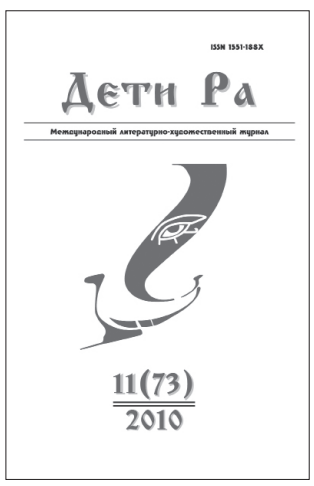
Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.



Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13
Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва
ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001
Расчетный счет: 40702810800670000380
БИК: 044525219
Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru,
http:/ / poetograd1.livejournal.com,
http:/ / www.facebook.com/ poehtograd.vestkonsalting
Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)
Главный редактор
Наталия Лихтенфельд
Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев
Шеф-редактор
Евгений Мелешин
Заместители шеф-редактора
Василий Манулов, Сергей Киулин
Литературный редактор
Ольга Денисова
Компьютерная верстка
Глеб Пузыревский
Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова
Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд